

Ваську трясло, как в лихорадке. Да какое там «в лихорадке»! Его колотило так, что колени подгибались. В ушах звенело от почти дуплетного выстрела. Резкий запах сгоревшего пороха остро врезался в ноздри, застревая где-то в горле. Левая рука парнишки вцепилась в цевьё двустволки, а пальцы правой руки суетливо обшаривали патронташ. «С края должна быть ещё пара патронов с жаканами», — бешено металось в Васькиной голове.

Метрах в десяти от него уткнулся мордой в малинник только что убитый им медведь. То, что зверь убит, до парнишки дошло не сразу. Всё происходило страшно медленно: сначала у зверя беспомощно подкосились лапы, он глухо, как-то по-человечески захрипел; дёрнулась, вырывая траву, и замерла левая передняя лапа. Огромная туша медведя расслабленно развалилась под ещё тёплым сентябрьским солнцем. «Готов, кажется. Точно готов», — постепенно успокаиваясь, подумал Васька. Уже не торопясь он преломил ружьё, вытащил ещё не остывшие латунные гильзы, вставил их в пустые гнёзда патронташа, а два патрона с жаканами загнал в стволы. Взведя курки, он подошёл к туше медведя и ткнул стволами в его бок. Упругое тело упитанно лоснилось, красиво играя в солнечных лучах бурым мехом, наполняя воздух крепким запахом зверя. Окружающий охотника мир стал прорываться в его отрешённое сознание испуганным криком птиц, журчащей невдалеке на перекате речкой Брянкой, а над самым ухом заныли жаждущие его крови комары. Неведомое ранее ощущение навалилось неожиданно на Ваську:

вот он, пятнадцатилетний пацан, не самый сильный среди сверстников, да и не самый смелый, если честно, добыл такого громадного медведя. Из поселковых мужиков от силы трое могут похвастаться подобной добычей. Конечно, дядька Ефим не в счёт: он медвежатник знатный и не раз рассказывал на вечерних посиделках у клуба о повадках хозяина и охоте. А тут какой-то Васька — пацан, недомерок! — зверя взял.

Всё произошло случайно: пошёл за рябчиками, а вышел на медведя. Зверь мирно пасся в малиннике, а Васька вышел на него с подветренной стороны из густой травы. До медведя было метров пятьдесят, когда азарт, смешанный с возбуждающим самолюбие чувством опасности, заманили парнишку в опасную игру. Наверное, мирный вид пасущегося медведя добавил ему решимости взять зверя, о чём чуть раньше он бы и подумать не мог. Васька зарядил ружьё жаканами и стал подкрадываться к медведю. Таёжная жизнь научила парнишку делать это осторожно и бесшумно. «Бить надо метров с пятнадцати», — пульсировало в голове Васьки наставление дядьки Ефима. Он интуитивно почувствовал дистанцию выстрела, а дальше... вот он, мёртвый хозяин, у его ног. «Так, надо сбегать на деляну, там Витька Петухов на трелёвочнике работает. Зацепит тросом за лапы, на горб затащит — и в посёлок». Виктор был старшим братом Сашки — лучшего друга Васьки. Приняв решение, Васька почти бегом направился в сторону деляны, где работали лесорубы. Он даже с каким-то облегчением оставил место с мёртвой добычей. Ему казалось, что там, на поляне, заросшей густым малинником, под ярким солнцем с глупым верещаньем птиц, затаилось что-то нехорошее, ощутимо тяжёлое, пронзающее насквозь невидимым взглядом Васькины тело и душу.

Парнишка хорошо знал эти места. Минут через двадцать, проскочив редкий подлесок, он выбежал на старую лесовозную дорогу. По ней до деляны километров пять, не более. А что для таёжного парнишки пять километров? Так, пустячок, проскочишь и не заметишь. Вот только ружьё малость по спине стучит. Ничего, подтянул ремень — и ходу, ходу.

Подбегая к деляне, Васька почувствовал дым от кухни лесорубов, а с ним запах жареных шкварок. Но робкие позывы голода забивала иссушившая рот и горло жажда. Под наскоро сбитым навесом у сваренной из толстых листов железа печки хозяйничала повариха — бабка Нюра. Невысокого роста, крепко сбитая, раскрасневшаяся от исходящей жаром печки, она ловко перемешивала поджарку на большой чугунной сковородке.

Заметив Ваську, повариха удивлённо уставилась на него.

— Ты откуда такой заполошный, Васёк?

Васька, не отвечая, подбежал к ведру с водой и, зачерпнув полную алюминиевую кружку прохладной влаги, жадно, взахлёб осушил её.

Смахнув с головы фуражку, он вытер ею губы и потное лицо.

— Баб Нюр, а где Витька Петухов? — отдышавшись, выдохнул Васька.

— Чай, скоро на обед приедет. Что-то случилось, Вась? — Бабка Нюра настороженно уставилась на парнишку.

— Да ничего такого, баб Нюр, просто помочь в одном деле надо.

Ваське почему-то не хотелось говорить поварихе об убитом им медведе. Какое-то внутреннее напряжение удерживало его от этого. Но такое разве утаишь? Не оставлять же добычу на растерзание мелкому зверью да воронам, это совсем нехорошо.

— Я медведя убил, баб Нюр, — вздохнув, выдавил Васька и тяжело сел на лавку у длинного обеденного стола.

— О как! Боже ж ты мой! — всплеснула руками баба Нюра. — Да как же это тебя угораздило, милый? Неужто на тебя зверь пошёл?

— Нет, это я на него пошёл.

— С ума сошёл малец! — Повариха перекрестилась. — Да как же ты решился, глупый? Его и опытный охотник стороной обходит, а ты, дурная твоя голова, зачем полез? Ты о матери-то подумал? Не убей ты его, он бы от тебя, дурака, и косточек не оставил! Рожают вас, балбесов, трясутся над вами, а вы вон какие финтеля выдаёте, страсть Господня.

Запах подгорающей поджарки прервал монолог сокрушавшейся кухарки.

«От матери влетит — это точно. Да и от брата достанется: ружьё наверняка отберёт, — смирился со своей участью Васька. — Пацаны, конечно, позавидуют. Интересно, как воображуля Светка к этому отнесётся?»

Представляя реакцию друзей, парнишка несколько взбодрился и успокоился.

Из ближней пади раздалось рычание ЗИЛа и тарыхтение тракторов-трелёвочников: бригада двигалась на обед. Васька захотел перехватить Витьку на подъезде к кухне и пошёл встречать его. Сначала из-за поворота, тяжело переваливаясь на ухабах, выполз ЗИЛ с зелёной фанерной будкой в кузове, за ним, громко тарыхтя и дымя дизелем, выползли два трелёвочника. Последний был Витькин. Васька призывно замахал ему руками. Тракторист, удивлённо уставившись на парнишку, остановил трактор и открыл дверцу.

— Тебе чего, Василь? — крикнул он.

— Дело есть, Вить, поговорить надо! — прокричал в ответ Васька.

— Ну, погоду чуток. Сейчас поставлю технику — поговорим.

Витька свернул с дороги на поляну, заглушил трактор и спрыгнул с гусеницы.

— Говори, какое у тебя дело, охотник без добычи, — Витька окинул насмешливым взглядом подошедшего Ваську. — Небось, вся дичь разбежалась, увидев лихого охотника. А?

— Может, какая и разбежалась, а одна осталась, — с обидой на насмешку, даже вызывающе выпалил Васька.

— Да ну? И какая же это осталась? Кабарга, что ли?

— Медведь, — набычившись, буркнул парнишка.

— Чего, чего? Медведь? Ты случаем не бредишь, пацан?

— Он там, в Березняковском распадке, лежит. Завалил я его.

Витька удивлённо молчал.

— Помоги вывезти, а?

— Почему не помочь. С бригадиром сейчас договорюсь. Только уговор — желчь моя. Замётано?

— Замётано, — облегчённо выдохнул Васька.

Хотя был выходной день, лесорубы работали, «гнали план», за выполнение которого их ожидала хорошая премия. Начнётся зима с затяжными буранами, тогда и на отдых время найдётся.

...Через два часа они въезжали в посёлок с тушей медведя на слипе трелёвочника. Когда они проезжали мимо футбольного поля у школы, пацаны, игравшие в футбол, забыв про мяч, сначала уставились на трактор

с медвежьей тушей, потом на Ваську с ружьём, который с равнодушным видом сидел в кабине. Девтора, быстро очнувшись от удивления, бросилась с громкими криками за трактором.

— Медведя везут! Медведя убили! — неслось вдоль улицы.

У Васькиного дома тушу опустили на землю и освободили от петли.

— Не забудь про уговор, — сматывая трос, напомнил парнишке Виктор.

— Не забуду, — почему-то нервничая, бросил Васька и, словно опомнившись, благодарно добавил: — Спасибо тебе, Витя.

— Вы, это, дядьку Ефима разделять зовите. Он мастер в этом деле. Да соседа фельдшера попросите мясо на паразитов проверить: он знает, как это делать. Спешите, а то дотемна не успеете. Ладно, бывай, медвежатник.

Виктор, уважительно пожав Васькину руку, забрался в кабину. Трактор рыкнул, выпустив изрядное облако вонючего дыма, и, лихо развернувшись на месте, шустро побежал на выезд из посёлка.

Вокруг Васьки и медвежьей туши стал собираться народ.

— Неужто ты его завалил, Василий? — недоверчиво глядя на парнишку, спросил конюх дед Гаврила.

Публика выжидательно смотрела на Ваську.

— Ну, я его завалил, — не показывая внутреннего волнения, буркнул парнишка, обходя тушу.

— И не испугался? — усмехнулся подошедший сосед Леонид Исаевич, местный фельдшер.

— Не успел. — Васька не хотел вспоминать, как его трясло после выстрела.

— А ну-ка, что тут у нас? — раздвигая толпу, к туше подошёл дядька Ефим. — Знакомый хозяин. Не в Березняковском ли распадке ты его взял, а? — Присев на корточки, поглаживая зверя, медвежатник снизу, прищурившись, пытливо взглянул на Ваську.

Был дядька Ефим невысокого роста, худощавый, а вернее — жилистый сорокалетний мужик, в котором чувствовались природная выносливость и ловкость. Работал он связистом, следил за исправностью телефонной линии между лесхозом и Воскресеновкой, которая находилась в сорока километрах от посёлка. Парнишка почувствовал как бы грустный укор во взгляде и тоне дядьки Ефима.

— Там, в Березняковском, — почему-то виновато ответил Васька.

— Хороший был медведь, спокойный, не задиристый. А теперь кто знает, какой хозяин на его место придёт... Медведя надо брать с толком, Василий, а не с бухты-баракты. Тайга, паря, порядок любит. — Дядька Ефим хлопнул тушу по блестящей шкуре и, вздохнув, обратился к Леониду Исаевичу: — Поможешь, Исаич, разделить мишутку?

— А куда деваться? Конечно, помогу. Одному-то такую тушу разделять не с руки, — согласился фельдшер, — Да и мясо на трихинеллёз проверить надо. Хозяин, однако, кило на триста потянет.

— Ефим, ты откуль знаешь, что медведь с Березняковского? — встрял в разговор изрядно поддатый киномеханик Фёдка Полухин, которого народ прозвал Гусём за длинную шею с маленькой головой и несуразно длинным носом.

— Откуль, откуль... Я в округе всё медвежье население знаю. Они, если приглядеться, все разные. У этого вон светлые подпалины на шее.

Такой здесь один был. Ладно, чего тут мусолить. Дело надо делать, пока светло. — Дядька Ефим поднялся с корточек. — Ты, Василий, готовь тазы, вёдра, да яму на огороде вырой — отходы закапывать. Ножи, топор я свои принесу. Да ещё доски нужны, не на земле же зверя разделывать.

Васька согласно кивнул головой и направился во двор. А улицу будоражил собачий вой и лай, но ни одной собаки в пределах видимости не наблюдалось: медвежий дух с запахом смерти разогнал их по углам подворьев. Открывая калитку, Васька увидел сидящую на ступеньках крыльца мать.

Дарья Васильевна, подперев голову рукой, смотрела на сына с печальной обречённостью.

— Ты что, сынок, решил меня в могилу раньше времени спровадить? За рябчиками, говорил, сбегаешь, а сам? На что тебе этот зверь сдался? Или разминуться с ним не мог? Я думаю, мог. Зверь нынче сытый. Вон сколько красной рыбы в Брянке. Не нужен ты ему был. А если бы ты не убил его, а поранил только? — Мать, прикрыв лицо рукой, заплакала.

Сев рядом, Васька обнял её.

— Mam, прости. Ну не надо так расстраиваться. Всё случайно случилось. Я даже сам не ожидал. Всё же хорошо. Вон, с дядькой Ефимом шкуру выделаем — у тебя в спальне постелим. Зимой встанешь, а ногам тепло, — пытался успокоить мать парнишка.

— Дурачок ты, сынок. Вот был бы жив отец, он бы тебе ума добавил. А я что с тобой могу сделать? Веником отходить разве, да толку что... — Мать толкнула Ваську в затылок.

— Дай ему, мама, хорошенько, — к ним подходил старший брат Игорь.

Был он на пятнадцать лет старше Васьки. Десять лет назад их отец погиб на весеннем сплаве. С тех пор в их семье негласно Игорь стал за старшего.

Отслужив армию, он выучился на электрика, женился на Вальке Синицыной — девке весёлой, хозяйственной. У них родились двойняшки: Венька и Сенька, которых Дарья Васильевна шутя называла Весеньками. Это прозвище так и прилипло к двойняшкам, тем более они везде появлялись вместе. Вот и сейчас шустрые пацанята, громко галдя, подбежали к крыльцу.

— Ну, Васька, ты молодец! Ты теперь самый смелый из пацанов в посёлке. Такого зверя застрелил! Возьмёшь нас на охоту? Дашь нам хоть по разику стрельнуть? — наперебой затараторили племяши, восхищённо заглядывая в Васькины глаза.

— Во, и эти туда же, — улыбнувшись внукам, покачала головой Дарья Васильевна.

— Ружьё я забираю, охотник, — Игорь взял прислонённую к завалинке двустволку и, нажав на рычаг, открыл затвор. В стволах тускло желтели патроны. — Ты что же это ружьё не разрядил? Кого ещё стрелять собрался? — Игорь строго глянул на брата. — Снимай патронташ, — вытаскивая из стволов патроны, добавил он.

— Ну, вы чо там не шевелитесь? Ждёте, когда стемнеет? — раздался из-за калитки недовольный голос дядьки Ефима. — Доски давайте, да молоток с гвоздями прихватите.

— Идём, дядь Ефим, — отозвался Игорь. — Mam, ружьё с патронами запири в кладовке, а ты, герой-охотник, пошли работать, твой зверь ждёт тебя.

Вскоре подсунутые под медведя доски были сколочены, тушу перевалили на спину. Задние лапы зверя были вытянуты, а передние торчали вверх.

Толпа вокруг не убывала, а наоборот, увеличилась. В размеренной жизни таёжного поселка не часто случались события, которые были достойны всеобщего внимания — свадьба там или похороны, ну праздники, иногда с мордобоем, а тут вот медведя убил пацан. Тут уж мимо не пройдёшь. Да и мяском, если фельдшер разрешит, разжиться можно, жиром медвежьим опять же. Да просто лясы поточить бабам — тоже случай.

Взрослые расселись на брёвнах, приготовленных к зиме на дрова. Мужики степенно закурили. Федька-киномеханик достал из-за пазухи поллитровку беленькой, из карманов пиджака извлёк стакан, кусок черняшки и завёрнутый в киноафиши шмат сала.

— А чо, мужики, охотник ещё не дорос до обмывки, так мы уж за него это дело сами справим. — Федька налил полстакана и протянул рядом сидящему Григорию Куренкову. Тот взял стакан, заглянул в него, как бы убеждаясь в наличии в нём водки, дыхнул в сторону и медленно, цедея сквозь зубы, выпил.

— Федька! Ты брось мужика спаивать! — заверещала, подбегая к ним, жена Григория. — А ты чего тут расселся? Делов, что ли, дома нету? — наступала бабёнка на мужа.

— Так я это, мужикам тут помочь, — оправдывался здоровый увалень перед худенькой, похожей на подростка женой.

Тем временем дядька Ефим, шаркнув несколько раз об оселок сверкающим, с чёрной эбонитовой ручкой ножом, приготовился к разделке.

— Ну, приступим с Божьей помощью. — И почти про себя добавил: — А ты, хозяин, прости нас и зла не держи.

Уверенной рукой дядька Ефим ловко рассёк шкуру зверя ровным разрезом от нижней челюсти до короткого хвоста. Помогая ему, фельдшер делал аккуратные разрезы с внутренней стороны задних лап.

Медвежатник так же быстро и аккуратно сделал разрезы на внутренней стороне передних лап. Далее они в паре стали снимать шкуру, осторожно подрезая её.

— Ловко работают, — кивнул в сторону туши подошедший Васькин друг Санька. — Здорово, охотник.

Васька пожал протянутую руку.

— Я на рыбалке был. Когда вернулся, мне пацаны сказали, что ты медведя взял. Так я сразу сюда, к тебе. Думал, врут, а тут — на тебе. Ну, ты дал, паря! Здоровуший, однако, зверюга. Слышь, Вась, а это не тот мишка, которого мы летом в Березняковском распадке видели? Тот вроде поменьше был, хотя рыбы много в речке, мог и отожраться.

— Может, и тот, кто его знает.

Васька вспомнил: когда пошёл первый ход красной рыбы, они с Санькой и ещё с двумя пацанами с бредешком ходили в тот распадок к перекату, перед которым в большой яме собиралась горбуша. Там они пару раз видели довольно близко похожего медведя.

— Привет, мальчишки!

К друзьям подошли Светка и её подружки — Катька и Тонька.

— Привет, подруги, — заулыбался Санька, глядя, однако, только на рыжую Катьку, к которой он был давно неравнодушен.

— Вася, а ты что такой грустный? Ты же у нас герой теперь, медведя вон убил. — Светка, пылливо прищурившись, посмотрела на парнишку.

— А чему тут радоваться? Убил и убил. — Василий почему-то смутился и, отведя глаза, добавил: — Повезло просто.

— Ой, зазнается теперь у нас Василий, и не подойдёшь, — с вечным своим ехидством влезла в разговор Тонька.

К ним подошли ещё ребята.

— А чего тут зазнаваться? Ну, взял медведя, с каждым может случиться, если повезёт, — присоединился к разговору Серёга Круглов, их одноклассник.

— Да уж, с каждым, но только не с тобой, Круглый, — подколола Серёгу Тонька.

И все поняли намёк, вспомнили забавный случай. В прошлом году, по осени, поехали Серёга с отцом на мотоцикле «Урал» поохотиться к Беличьему озеру, уток пострелять. Взяли с собой спаниеля Бекаса. Мотоцикл решили оставить в километре от озера, а дальше пойти пешком. Перед переходом к озеру охотники сели перекусить. Достали большой китайский термос с чаем, хлеб, домашнюю колбаску, лучок, варёные яйца и расположились рядом с мотоциклом. А чего спешить? К вечерней зорьке ещё успеют. Бекас, чуя предстоящее дело, даже не обращая внимания на запах домашней колбаски, рванул вдоль края обширной поляны и скрылся в зарослях стланика. Отец с сыном не спеша вкушали чай с домашней снедью под мирный птичий щебет. Где-то за поляной, за стланиковым переёмом, суматошно заколготили вороны. К ним присоединился лай Бекаса: сначала уверенный, но тут же съехавший на жалобный визг, который стал быстро перемещаться в сторону поляны. И вдруг этот визг перекрыл возмущённый рёв медведя. Через мгновение из зарослей выскочил пулей Бекас, а за ним и сам хозяин. Ища защиты, собака неслась к хозяевам. Увидев такое дело, отец с сыном бросились к мотоциклу, благо он был в паре шагов. Мотор, на счастье, завёлся сразу, и охотники рванули от набегающего зверя. Вероятно, рёв мотоцикла несколько остепенил медведя, иначе кто знает, чем бы закончилась для Саньки и его отца эта охота. Убедившись, что погони нет, они остановились. Тут к ним вышел охотившийся на рябчиков Пётр Петрович, леспромхозовский счетовод, мужичок до всего любопытный и по-бабьи болтливый. Узнав, что случилось, Пётр Петрович, качая сочувственно головой, не без иронии спросил:

— А где ваши ружья-то? Никак по дороге потеряли?

Тут только охотники обнаружили, что ружей у них нет, а у Серёги к тому же мокрые штаны. В это время к ним выбежал Бекас. С ходу заскочив в люльку, пёс, сотрясаясь всем телом от дрожи, забился под защитную накидку.

— Убью гада, как паршивую собаку! — взвился Серёгин отец на перепуганного пса.

— Да собака тут при чём? — успокаивал разгневанного мужика Пётр Петрович. — Поехали лучше ружья собирать.

— Ладно, поехали, — согласился возмущённый подлым поведением собаки её хозяин и добавил: — Вот приедем домой, уж я тебя выдеру, сволочь шелудивая.

Выстрелив пару раз в воздух, они втроем подъехали к тому месту, где всё произошло. Ружья валялись там, где их оставили охотники; вся

снедь была съедена косолапым, а красивый китайский термос раздавлен и разорван мощными когтями рассерженного зверя, только серебристые осколки колбы весело сверкали в примятой траве. Серёгин отец пообещал поставить литр водки Петру Петровичу за его молчание о происшедшем с ними. Но где там! Счетовод по возвращении тут же поделился с женой, а на следующий день весь посёлок потешался над горе-охотниками. Вот такая была история, на которую намекнула вредная Тонька.

...Тем временем разделка туши шла своим чередом. К дядьке Ефиму и фельдшеру присоединился Игорь. Васька вдруг почувствовал приступ бешеного голода: у него с утра ни крошки во рту не было.

— Пойду перекушу, — бросил парнишка компании и направился в дом. Дома, нагнув полную чашку борща, съел два больших пирога с рыбой и запил всё компотом из таёжных ягод. Передохнув минут пять после сытого то ли обеда, то ли ужина, Васька вышел во двор. «Надо яму копать», — вспомнил он наказ дядьки Ефима. Взял в сарае штыковую лопату и направился в угол огорода. Через полчаса яма была готова, благо земля рыхлая, податливая. Воткнув рядом с ямой лопату, Васька направился к месту разделки. Сумерки уже мягко наваливались на посёлок.

Туша медведя уже была без шкуры. Васька и раньше видел разделанных медведей, но этот был его медведь. Он превратил красивого, свободно-го зверя в эту освежёванную, синюшного цвета тушу, так похожую на человеческую. Игорь, дядька Ефим и фельдшер сидели на брёвнышке. На чурбаке перед ними стояла бутылка водки, пироги, кусочки солёной горбуши и тарелка с красной икрой.

— Вась, а Вась! Не забыл про обещание? — К парнишке подошёл Витька Петухов.

— Не забыл, не бойся. Видишь, только шкуру сняли. Не пропадёт твоя желчь. — Они вместе подошли к закусывающим разделщикам.

Витька поздоровался за руку с каждым, не спрашивая разрешения, налил водки и залпом выпил. А что? Заслужил.

— Дядь Ефим, желчь Витьке отдайте, я обещал ему за помощь, — попросил Васька медвежатника как старшего на разделке.

— Раз обещал, то конечно, — кивнул тот.

Фельдшер, взяв нож, направился к туше.

— Пойду, однако, анализ мяса сделаю.

— Игорь, Васька, давайте шкуру в корыто складывайте да ко мне во двор несите. Я сегодня ею и займусь, — распорядился Ефим.

Собравшиеся односельчане оживлённо загалдели, с нетерпением ожидая результата анализа. А что, медвежатинка, если её правильно приготовить, очень даже вкусная.

Вернувшийся из медпункта фельдшер молча обозрел собравшихся, нетерпеливо ожидавших его заключения.

— Ну, чо молчишь, Исаич? Говори, не тяни, — не выдержала кладовщица Надька Захарова.

— В общем, так. Медведь чистый, можно есть, — торжественным тоном известил народ фельдшер.

Васька не стал ждать дележа мяса. Он, почувствовав дикую усталость, пошёл домой, где, не раздеваясь, завалился на деревянный топчан в сених. Тяжёлый сон, как обвал, рухнул на парнишку.

Ему снилось, что сквозь тёмный, клубящийся мрак он с трудом вырвался на ту поляну с малинником в Березняковском распадке. Тяжёлые лапы лиственницы хватили его за плечи, словно старались не пустить Ваську на просветлённую солнцем поляну; трава спутывала его ноги, но ему дико хотелось вырваться из мрака к солнцу. И вдруг он увидел, как из малинника на задних лапах выходит медведь, вернее, существо без кожи, туша которого была жутко похожа на человеческое тело. Голова существа всё время меняла очертания: то проглядывали черты дядки Ефима, то вырисовывалась морда медведя. В лапах существо держало двустволку, которая хищно смотрела в сторону Васьки чёрными глазками смерти. Парнишка с ужасом осознал, что в него сейчас будут стрелять! Он протянул навстречу стволам руки, но это были не руки, а медвежьи лапы! Васька закричал от ужаса, но крик был беззвучный, беспомощный. Он напрягся, и вместе с его криком к нему прорвался голос матери:

— Сынок, что с тобой? Проснись, милый! Да что же ты так кричишь?

— А? Что? — ещё не до конца проснувшись, пробормотал Васька.

— Ты меня испугал, сынок. Это всё охота твоя тебе покоя не даёт.

Давай я тебе чай с травкой заварю, уснёшь, как младенец. Да иди в комнату, по-человечески спать ложись.

Васька сел на топчане, тряхнул головой, словно пытаясь сбросить дурной сон.

— Ты иди, мама, ложись и не беспокойся. Я тоже скоро лягу.

— А мясо всё разобрали. Я в ледник окорок отнесла да жиру набрала, Игорь тоже окорок взял. А остальное люди разобрали, тебя благодарили. Витька Петухов пообещал поделиться желчью. Я из него лекарство сделаю.

— Ну и хорошо, мама. Ты иди, спи. Я на двор выйду.

Васька встал, сунул ноги в обрезки резиновых сапог и вышел на крыльцо.

Ночь встретила его сентябрьской свежестью, щедрой россыпью ярчайших звезд и осторожно выползающей из-за Лысой сопки луной. Парнишка спустился во двор и остановился, прислушиваясь к ночным звукам. Но звуков почти не было, даже собаки не лаяли. Однако Васька услышал дыхание тайги, которая начиналась совсем рядом, за их огородом. Дыхание её было похоже на глухой гул, исходящий из тёмной таёжной утробы.

Неясные тени блуждали в призрачных лучах поднимающейся луны. И что это? Там, в углу огорода, где Васька выкопал яму для останков медведя, словно из земли поднялась знакомая тень зверя. Она то темнела, то почти исчезала, медленно уплывая в сторону таёжных зарослей. Холодный комок стал нарастать в Васькиной груди, словно ледяной обломок луны закатился ему под сердце.

— Никогда! Ты слышишь! Никогда я больше не убью ни одного твоего зверя! — крикнул Васька играющей неясными тенями тайге. И она, словно услышав его, облегчённо вздохнула под набевавшим лёгким ветерком.

А парнишка... да нет, уже не парнишка, а повзрослевший человек, понявший свою живую связь с окружающим таёжным миром, который он опалил неоправданной, бессмысленной жестокостью, ощутил радостную лёгкость, какую ощущаешь, когда выныриваешь из глубокого тёмного омута. Зверь освободил его, растворившись в живом чуде, имя которому — Тайга.